

Рецензии

УДК 82:2

DOI: 10.28995/2658-4158-2024-3-145-151

Литургия смерти
Рецензия на книгу: *Юргенсмейер М.*
«Ужас Мой пошлю пред тобою»:
Религиозное насилие в глобальном масштабе /
пер. с англ. А. Зыгмонта.
М.: Новое литературное обозрение, 2022. 496 с.

Евгений Б. Рашковский

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия, eug.rashkov@gmail.com*

Для цитирования: Рашковский Е.Б. Литургия смерти. [Рец.]:
Юргенсмейер М. «Ужас Мой пошлю пред тобою»: Религиозное насилие
в глобальном масштабе / пер. с англ. А. Зыгмонта. М.: Новое литературное
обозрение, 2022. 496 с. // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о рели-
гии. 2024. № 3. С. 145–151. DOI: 10.28995/2658-4158-2024-3-145-151

The liturgy of death
Book review: *Juergensmeyer M.*
“Uzhas Moi poshlyu pred tobouy”.
Religioznoe nasilie v global’nom masshtabe
[Global rebellion. Religious challenges to the secular state].
Moscow: New Literary Observer, 2022. 496 p.

Evgenii B. Rashkovsky

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, eug.rashkov@gmail.com*

For citation: Rashkovsky, E.B. (2024), “The liturgy of death. [Book
review:] *Juergensmeyer M.* ‘Uzhas Moi poshlyu pred tobouy’”. *Religioznoe*

© Рашковский Е.Б., 2024

nasilie v global'nom masshtabe [Global rebellion. Religious challenges to the secular state]. Moscow: New Literary Observer, 2022. 496 p.", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 3, pp. 145–151, DOI: 10.28995/2658-4158-2024-3-145-151

Автор рецензируемого труда Марк Юргенсмейер (род. 1940) – известный американский социолог-религиовед, чья многолетняя научная деятельность была связана в основном с Калифорнийским университетом (Беркли).

Библейский заголовок русского перевода этой монографии, впервые увидевшей свет в 2017 г. (Исх 23:27), едва ли удачен, как едва ли удачен и выбранный в угоду прихотям книжного рынка заголовки оригинала: “Terror in the Mind of God”. В обоих случаях подзаголовки куда более информативны и существенны: «Религиозное насилие в глобальном масштабе / The Global Rise of Religious Violence».

Автор книги, собравший в ходе многих десятилетий невероятное количество данных о злодеяниях, подсказанных как религиозным рвением их исполнителей, так и циническими псевдополитическими расчетами (а нередко – и общими сочетаниями одержимости и цинизма), заведомо отвергает возможные антирелигиозные интерпретации своего труда. Ибо жертвы злодеяний, совершенных на почве извращения религиозных чувств и понятий, «...не будут забыты. Эта работа написана с убеждением, что те же религии, которые послужили источниками этих чудовищных разрушений, несут в себе также невероятную способность исцелять, строить заново и вселять надежду» (с. 19).

Стало быть, речь об общей и глубокой человеческой амбивалентности религиозной сферы как таковой. И потому – об особой ответственности верующих людей за свои чувства, мысли, слова и поступки.

Основная же чисто религиоведческая посылка книги такова: в каждой из великих религиозных систем существует так или иначе варьируемая, так или иначе символически оформленная антитеза добра и зла. Эта антитеза обозначается автором условным понятием «космической войны», в принципе, пронизывающей каждое человеческое сердце, каждую экзистенцию. Однако, как убежден автор, эта экзистенциально-духовная драма приобретает особо зловещие и притом кощунственные черты «...лишь тогда, когда в результате совпадения ряда обстоятельств – политических, социальных и идеологических – она сплавляется с насильственными проявлениями общественных чаяний, личной гордыни и оппозиционных движений» (с. 31). Насильники и экстремисты, вольно или невольно пренебрегающие нравственными началами исповедуемых ими

религий, могут действовать в лоне каждой из них: будь то христианство, ислам, иудаизм, индуизм или буддизм.

Источниковая база книги огромна: не только пресса – бумажная и электронная, – но и свыше сотни проведенных самим Юргенсмейером устных интервью. Среди интервьюированных им на протяжении 1998–2000 годов – сами террористы и их идеологи (как действующие на «воле», так и находившиеся под следствием или уже выслушавшие свои приговоры), клирики, чиновники, журналисты, ученые и, наконец, сами пострадавшие от рук террористов.

Взрыв религиозного терроризма – один из важных глобальных сюрпризов последней четверти прошлого столетия, как и наплыв массовых религиозных движений, приходящихся на этот же период.

Среди важнейших предпосылок обращения масс к «языкам» религиозного террора – крах и вырождение былых национально-революционных движений, зачастую лишь поверхностно использовавших религиозную фразеологию, как это было, например, в арабском мире (с. 9–10). Следствием такого рода эрозии оказалось разочарование в результатах этих движений, так и не сумевших толком угодить чаяниям или амбициям среди огромных людских масс. Несбывшиеся гендерные амбиции также сыграли в этом террористическом перерождении не последнюю роль. Действительно, как показывают собранные Юнгсмейером интервью, один из существенных стимулов участия в акциях религиозного насилия – желание в попытках избыть свой комплекс неполноценности выказать перед собой и окружающими свои свойства революционного «мачо»...

Социопсихологическая сторона вопроса, вроде бы, понятна, ибо разъяснена тысячами, если не десятками тысяч научных публикаций. Но нашего автора более всего занимает именно религиозоведческая сторона вопроса, на коей сто́ит остановиться подробнее.

По мысли Юргенсмейера, идея «космической войны» и активного личного в ней участия на стороне мнимого добра – один из несомненных духовных движителей террористической активности, вовлекающей в свои ряды не только людей властного и цинического склада и не только доверчивых простецов, но нередко – и ищущих «смысла жизни» представителей интеллигентной молодежи на всех континентах, в рядах любых религиозных массивов (с. 300 и сл.)¹.

¹ Особо характерный пример – наличие немалого числа образованной молодежи в рядах таких террористических движений, как ХАМАС, «Хезболла» или «Аум Синрикё»* Сёку Асахары. Последний был казнен

* Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории России.

Однако и здесь идеалистические мотивы могут сколь угодно часто сращиваться с побуждениями низменного порядка: не только об обретении солидарности с ближним кругом и о целостной картине мира, но и доступе к рычагам внешнего успеха, власти и влияния.

Марк Юргенсмейер обращает внимание на когнитивную простоту идеи участия в «космической войне», столь привлекательной для поверхностных или нестойких умов: «Знакомые нам религиозные образы противостояния и преображения – прилагаются к посюсторонним социальным конфликтам. Следствием же того, что эти космические битвы переносятся в мир людей, становятся реальные акты насилия» (с. 31).

Интеллектуалам же – или тем, кто мнит себя таковыми, – как правило, обеспечиваются в религиозно-террористических движениях более или менее престижные позиции. Однако большинство среди вовлекаемых / мобилизуемых, как правило, люди не рассуждающей, «истой» веры, да к тому же – и с невысокими показателями образования и доходов (с. 119–120, 157). Связь этого человеческого контингента с религиозно-террористическими сетями дает этим растерянным и атомизованным людям ощущение сакральной общности, «общинности», защищенности и покровительства (с. 129–130). Здесь эксплуатируется все, что только может быть эксплуатируемо:

- юношеский идеализм,
- агитпроп по части множества «врагов» (богачи, иноверцы, янки, масоны, евреи, «черномазы», власти собственных стран),
- и «несчастное сознание» (термин Гегеля) реально или мнимо «угнетенных»,
- и зачастую провоцируемые самими террористами жестокие и плохо продуманные репрессии со стороны властей (с. 203–214, 222–347)².

Повторяю: на мой взгляд, наиболее интересна и существенна именно религиозоведческая сторона книги М. Юргенсмейера, пытающаяся выявить *сквозные темы* террористических идеологий и практик разных, несхожих конфессий и ареалов.

Эти идеологии и практики вполне вписываются в тот образ *культуры насилия*, которую взрастило в себе современное

в 2018 г. Руководившая же им секта, хотя и изрядно порасстратившая свой былой эсхатологический, антизападнический и антисемитский пыл, существует и поныне.

² Этот последний тезис Юргенсмейер подтверждает трагическими эпизодами из относительно недавней индийской истории: кровавыми погромами сикхов и мусульман, ставшими дополнительным стимулом для разнородных экстремистских идей и групп (с. 203 и сл.).

общество: насилия в погоне за властью, за деньгами, за статусным успехом³, за первые заголовки в СМИ.

Последнему обстоятельству в книге уделяется особое внимание. Компенсируя реальную слабость не столько даже политических своих позиций, сколько несбыточных идейных платформ, – движения такого рода стремятся пробиться на общественно-политическую авансцену через громкие кровавые скандалы, через зрелищные («перформативные») акты убийств, расправ, взрывов, компьютерных диверсий (с. 139–140). Акты демонстративного религиозного террора – этого воистину лжедиалога с окружающим обществом – мыслятся его лидерами как некое священнодействие, исполненное религиозного символизма, причем зачастую – даже безотносительно к конкретным результатам этих действий (с. 248–262)⁴. Не побоюсь сказать даже так: подобного рода деяния воспринимаются самими террористами как некая *литургия смерти*.

Выступая от имени попираемой современным коммерциализованным обществом, обществом внешнего *успеха*, Святыни, квазирелигиозные фанатики используют представления о Святыне самым нечистоплотным образом. Автор приводит в этой связи ярчайшие примеры подобного рода узурпации Святыни. «Христианские» расисты-антисемиты и негрофобы в США выставляют себя и воображаемую ими «арийскую расу» подлинными «сынами Севера» и наследниками библейских Откровений (с. 290). Однако логика (или, точнее, антилогика) носителей ксенофобского террора не может не обращаться и против собственных народов (с. 99–100, 167).

Пара примеров на сей счет:

- 4 ноября 1995 г. иудейский фанатик Игаль Амир демонстративно застрелил премьер-министра Израиля Йицхака Рабина, одного из ветеранов сионистского движения и боевого генерала;
- 22 июля 2011 г. «христианский» неонацист Андерс Брейвик изувечил и убил 228 человек в молодежном лагере норвежских социал-демократов... И в обоих этих случаях – полное сознание своей правоты и ни грана раскаяния...

³ Вспомним великий роман Лиона Фейхтвангера «Успех (Erfolg)», вышедший в 1930 г., т. е. в канун гитлеровского захвата власти в Германии.

⁴ Одно из самых вопиющих зрелищных изъятий подобного рода – нападение боевиков ХАМАСА (7 октября 2023 г.) на приграничные израильские земли. Этот кровавый спектакль стоил тысяч жизней и арабам, и евреям. Однако каковы бы ни были людские страдания и военные поражения самого ХАМАСА, его лидеры записывают развязанную ими бойню и неожиданную силу израильского возмездия в свой информационный актив.

Наши религиозные мыслители – Лев Толстой, Лев Шестов – немало писали об особом злокачественном свойстве человеческого сознания: его «изворотливости», т. е. склонности к недобросовестной софистике. Так вот, даже буддийская идея *Махакаруньи* – Великого духовного милосердия – может трактоваться как санкция «убийства из милосердия» ради спасения тех, кому предстоят адские реинкарнации. Акты подобного рода милосердия наизуворот известны из недавней истории Японии, Шри-Ланки и Мьянмы. Подобного рода извращения буддизма вскармливаются антизападническими и антибуржуазными дискурсами и соответствующими проповедями «духовности» и «идентичности» (с. 219).

К сожалению, автор обошел столь важную и актуальную для последних лет проблему нередкого в наше время «тканевого» перерождения панических правопопулистских дискурсов именно в идеологии религиозного терроризма...

И, как общий вывод из всего содержания монографии, Марк Юргенсмейер завершает ее следующими словами:

Даже если схлынет нынешняя волна религиозного насилия, однако «...посыл никуда не денется. Религия одухотворяет жизнь общества и служит ему нравственным ориентиром. В то же время ей необходима толика рациональности и “честной игры”, привитых ценностями Просвещения гражданскому обществу. Исходя из этого, конец религиозному насилию можно положить, лишь примирив между собою две вещи – некую умеренность в плане религиозного пыла и признание религии в качестве силы, возвышающей в жизни общества духовные и нравственные ценности. Еще один парадокс: исцелить религиозное насилие в конечном счете можно, только вернув самой религии подобающее ей уважение» (с. 464).

Готов подписаться под этим выводом, но – с одной оговоркой.

Внутреннее, реформаторское⁵ самоосмысление и преобразование нынешних конфессий (притом – с учетом великого духовно-исторического опыта каждой из них) – условие необходимое, но недостаточное для «честной игры». Недостаточное – но необходимое в сложнейших контекстах сегодняшнего мира.

И в самом заключении рецензии – особая признательность А. Зыгмунту, трудолюбивому и вдумчивому переводчику этой монографии.

⁵ Прошу не путать подсказанный уникальностью нашего времени реформаторский императив с Реформацией былых веков и – тем паче – с конкретными протестантскими исповеданиями.

Информация об авторе

Евгений Б. Рашковский, доктор исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия; Россия, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23; eug.rashkov@gmail.com

Information about the author

Evgenii B. Rashkovsky, Dr. of Sci (History), Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 23, Profsouznaya St., Moscow, 117997, Russia; eug.rashkov@gmail.com